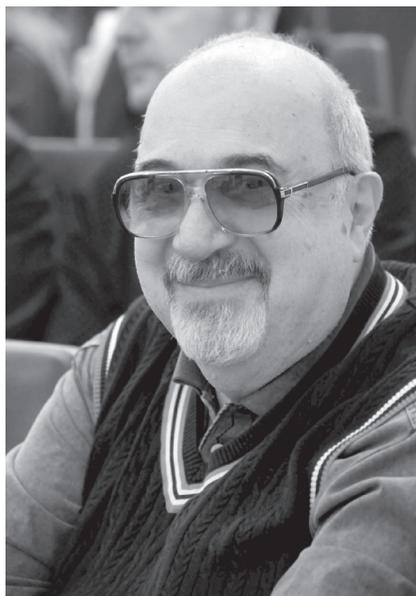


два
рассказа

Оплакивание в Адзюбже



49

*Владимир
Делба*

ЗВОНОК телефона, доносившийся из кухни, отличался от обычного прерывистыми своими, короткими трелями. Значит, межгород, – решил я. Поговорив с кем-то, отец, постучавшись, вошёл в мою комнату.

– Звонила Зина, начальница нашего сельского почтового отделения. Старик Башныху ушёл из жизни! Ты помнишь его?

Конечно, я помнил, ведь он был дедом моего адзюбжинского друга и ровесника – Джансуха. Правда, время немного размыло образ, но в памяти сохранился высокий, немного сутулый, суровый, не улыбающийся седой человек с большой бородой и кустистыми

Владимир Делба – абхазский прозаик, поэт, эссеист. Пишет на русском языке. Родился (1946) в Сухуми. Владимир Михайлович – секретарь Ассоциации писателей Абхазии, член Русского ПЕН-центра, сопредседатель литературного Совета Ассамблеи народов Евразии. Публикуется в СМИ Абхазии, России, США, Израиля... Автор десятка книг. Лауреат международных литературных премий, в том числе – премии им. Фазила Искандера за 2019 год (первое место в номинации «Проза»).

стыми бровями, одетый постоянно, как и многие селяне, в выцветшую полувоенную рубашку-«сталинку» и брюки галифе.

– Надо ехать в Адзюбжу на оплакивание. Желательно, чтобы поехал и ты, раз уж находишься в Абхазии. – Предложение родителя звучало как приказ, хотя необходимости в нём не было, я поехал бы в любом случае.

Адзюбжа – наше родовое село в Восточной, Абжуйской Абхазии. Когда поселились в нём мои предки, носители фамилии Делба, мне не было известно точно, но факт, что очень давно. Крепкий крестьянский род обладал достаточно большим наделом, так называемой, общественной земли, принадлежавшей всей общине, выделявшей безвозмездно той или иной семье без права продажи или дарения.

К чести моих прародителей, трудившихся на земле, они понимали, что светлое будущее может принадлежать их потомкам только при наличии у тех образования! Потому, очевидно, одна из первых в Абхазии начальных школ была открыта именно в Адзюбже. Действовал в селе и небольшой православный храм, церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Село большое, красивое, уютно раскинувшееся вдоль шоссе на Очамчиру и морского берега, в котором, помимо абхазских семей, проживали мегрелы, русские и даже единственная в Абхазии семья чернокожих африканцев по фамилии Абаш, завезённых когда-то, в середине девятнадцатого века в наши края аж из самой Эфиопии! Эфиопы, кстати, быстро натурализовались и уже через поколение говорили только на абхазском, да и считали себя абхазами.

Пока мы ожидали дядю Бориса, обещававшего отвезти нас в Адзюбжу на

своей «Волге», я вспомнил Джансуха, которого мы, друзья, называли Джоном, его нелёгкую судьбу, наше детство. Вспомнил и его отца Аслана, чей «вагон», собственно, и покатился когда-то странным, драматическим маршрутом по рельсам Судьбы.

Встретив Победу в Чехословакии с солидным количеством боевых наград, осенью 1945 года возвращался он в родные края. Путь предстоял сложный и долгий. Во время ожидания очередного воинского эшелона на пустынном полустанке недалеко от полностью сожжённого немцами Курска к Аслану вдруг подошла совсем ещё юная девушка. Ветхий ватник, тёмный шерстяной платок, от которых пахло дымом, бледная, будто прозрачная кожа, большие глаза, в которых, казалось, навек поселились страдание и страх. Девушка странно, невидящим взглядом смотрела на Аслана и шевелила губами, не произнося ни слова.

Усадив незнакомку на скамейку, Аслан развязал вещмешок, отрезал приличный ломоть от буханки хлеба, посыпал его крупной солью, уложил сверху большой кусок сала и протянул девушке. Та медленно, осторожно приняла дар, не веря, видимо, в такой неожиданный щедрый подарок, и очень аккуратно, придерживая хлеб в ладошке, дабы не потерять ни крошки, стала есть.

Глаза солдата повлажнели.

Неосвещённый полустанок продувало холодным колючим ветром, визгливо скрипели подвешенные к столбу часы с выбитым стеклом и без стрелок, в сохранившейся части полуразрушенного павильона кто-то зажёл то ли свечу, то ли керосиновую лампу, и этот единственный, появившийся непонятно откуда в кромешной темноте неяркий свет дарил, как ни странно, хрупкую надежду на будущее.

И пока девушка ела, в голове Аслана неожиданно созрел план.



– Тебя как зовут? Ирина? Ирина, здесь ты совсем одна, насколько я понимаю. Так вот, я принял решение: ты едешь со мной, ко мне на родину, в Абхазию! И это моё решение не обсуждается!

Вначале всё у них складывалось довольно удачно: Аслан получил работу пожарного, молодым выделили отдельную комнату в старом доме в центре столицы. Комната, правда, выходила, как и несколько других, на общую веранду второго этажа, кухня же и туалет, тоже общие, приютились на этаже первом. Ванной комнаты не было вообще, но это особо не мешало жильцам, ибо в центре города в те годы работали три или четыре общественных бани. Ведь главное – своё жильё!

Ирина оказалась хорошей хозяйкой: неплохо готовила, относилась к мужу с уважением и нежностью, в их комнате всегда было чисто и уютно. Единственное, что немного беспокоило Аслана, так это замкнутость и неразговорчивость молодой жены, правда он объяснял всё её природной застенчивостью и непривычным образом жизни в Абхазии. А иногда в глазах Ирины вновь появлялся страх, который Аслан хорошо помнил с первой их встречи.

В положенный срок в семье появилось прибавление – сын, которого называли Джансухом. И вот как раз после рождения ребёнка у Ирины начались проблемы с головой. Она перестала узнавать окружающих, путала имена, отказывалась кормить малыша грудью. Видимо, сказалось перенесённое во время войны.

Диагноз, поставленный специалистами, оказался неутешительным – шизофрения. После курса лечения женщине вроде бы стало лучше, но на второй день после выписки Ирина исчезла из дома! Навсегда! Куда и как – осталось тайной.

Аслан был вынужден отправить крохотного Джансуха в Адзюбжу, к дедушке

с бабушкой. На время, как предполагалось. Но, как известно, мы, люди, предполагаем, а решения принимаются на Небесах!

Спустя три месяца Аслан посватался к сестре сослуживца и вскоре сыграл свадьбу. Очевидно, он мечтал, что новая его жена, абхазка из высокогорного села с красивым именем Лилия, заменит родную мать маленькому Джансуху. Но увы! Девушка оказалась сварливой и ленивой. К тому же она, что было крайне странно, ненавидела детей – как своих, которых категорически отказывалась заводить, так и тем более чужих.

В общем, помучившись какое-то время, вынужден был Аслан, скрепя, как говорится, сердце, отвезти Лилию домой, вернув родителям, а Джансух так и остался в доме деда.

«Вагон» же судьбы Аслана тем временем, образно говоря, достиг тупика, где заканчиваются рельсы. Джансуху только-только исполнилось три годика, когда его отец героически погиб при тушении пожара, успев вынести из огня двоих детей.

В семь лет, как и было положено, старик Башныху, ставший к этому времени вдовцом, трудившийся учётчиком в колхозном пункте приёма сельхозпродукции, определил внука в первый класс адзюбжинской начальной школы.

Так они и жили вдвоём, дед и внук. Внук учился в школе, помогал деду по хозяйству и мечтал стать военным лётчиком...

Автомобильный сигнал прервал мои воспоминания. Пора было ехать. По гладкому асфальту шоссе мы быстро и комфортно добрались до поворота на Адзюбжу. А вот тут пришлось немного помучиться на грунтовой дороге, объезжая ямы и колдобины, тем более что старый каштановый дом, построенный, судя по всему, ещё дедом или даже прадедом Башныху, стоял на пригорке в самой дальней части села.

Знакомый дом, привычная для глаз, соответствующая ситуации картина.

В абхазских сёлах – неважно, случается что-либо грустное или радостное – моментально приходят на помощь родственники и соседи. Вот и сейчас, несмотря на то что старик скончался совсем недавно, всё необходимое уже было организовано.

Проводы человека в последний путь, вернее, ритуалы этих проводов, формировались веками. В Абхазии, в зависимости от её конкретной части, они могли немного отличаться, причём некоторые потихоньку отмирали, уходили в прошлое. Однако оставшиеся, как правило, соблюдались повсеместно, особенно в сёлах.

Машину мы оставили за околицей и пока шли через огромный двор с развесистым ореховым деревом к дому, я внимательно оглядел всё, что встречало нас.

Прямо перед фасадом дома, недалеко от входных дверей, под небольшим навесом покоился на кушетке усопший, пока ещё без гроба. Справа, на отдельном столике была выставлена большая его фотография в массивной тёмной раме. Ещё один столик, специально для головных уборов, стоял перед навесом. Рядом с ложем покойника, на листе фанеры можно было разглядеть большой фибровый чемодан с металлическими уголками. Согласно традиции, это – *аншьан*, личные вещи покойного, собранные как бы в дорогу.

С двух сторон от изголовья Башныху сидели женщины в чёрных одеяниях, так называемые плакальщицы, а перед навесом выстроились мужчины, близкие родственники, тоже в тёмных одеждах.

Второй навес, гораздо большего размера, ещё не полностью смонтированный, как раз устанавливали в стороне, рядом с летней кухней-апацхой, над которой вился дымок. Там готовили еду для поминального стола. Собственно,

сегодня угощение ещё не было поминальным в буквальном смысле слова. Опять же согласно традиции, необходимо было накормить людей, пришедших или приезжавших на оплакивание издалека.

Как и на предстоящих поминках, набор блюд был крайне скромным. Мясо не допускалось принципиально. Обычно на стол выставлялись: свежий хлеб, акуд – варёная фасоль со специями, соленья своего приготовления, иногда и сладкий плов. Ну и, конечно, домашнее вино.

Когда наша небольшая делегация приблизилась к навесу, плакальщицы поднялись со стульев и дружно запричитали, царапая свои щёки ногтями. Это также было данью традиции, частью ритуала.

Постояв у ложа, поклонившись усопшему, мы, выразив соболезнования родственникам, отошли в сторону, присоединившись к группе селян, стоявших поодаль.

Проходя мимо столика с фотографией Башныху, я почему-то задержал на ней своё внимание. Было нечто странное в этом портрете, но что именно, понять сразу я не мог. Кого-то старик на фото мне очень напомнил, но кого?

Изображение усопшего, живописный портрет или большое фото являлось обязательным атрибутом проводов в последний путь.

Как правило, им запасались заранее. Семьи состоятельные заказывали портреты у живописцев, остальные заранее возили, если была возможность, своих родственников в фотоателье, ну а чаще всего просто передавали маленькие по размеру фото на увеличение. Эти фотопортреты так обычно и назывались – «увеличение». Создать качественное «увеличение» было задачей нелёгкой, как правило, специалист помимо обычной фототехники был обя-

зан владеть искусством ретуши, причём иногда заказчики требовали сделать из чёрно-белого оригинала цветной «шедевр». Так что порой было трудно узнать реального человека в изображении на фотопортрете.

Очевидно, с портретом Башныху произошло именно это – мастер чересчур увлёкся ретушированием. Я обратил внимание, что и мой отец смотрел на изображение старика несколько удивлённым, чтобы не сказать странным взглядом.

В целом качество работы было на высоте, но!!! Гладкое, без морщин лицо, ухоженная борода, пристальный взгляд умного, образованного человека (коим усопший не являлся) и потом какой-то «старорежимный» костюм немного легкомысленного фиолетового цвета. Вряд ли у деда Джона мог быть такой. Ну, а если придирааться по полной, слева из-под бороды выглядывал фрагмент какого-то непонятного аксессуара, но очень напоминающего «крылышко» галстука-бабочки. Ну, это, видимо, вконец заигрался уже я!

День потихоньку уходил, тени стали длиннее и чётче, контур дальних гор прорисовался загадочным, едва заметным свечением, в общем, вечер настойчиво предъявлял свои права на всей территории Абхазии. Под навесами включили электрическое освещение. Иссак и поток желающих выразить именно сегодня своё соболезнование семье покойного.

Теперь можно было усаживать за стол оставшихся во дворе родственников.

Великий Фазиль Искандер когда-то подметил, что в Абхазии немного по-разному провожают в последний путь людей, ушедших по меркам долгожителей рано, безвременно, и тех, кого Всевышний призвал к себе в очень-очень почтенном возрасте. Как в случае с Башныху.

Так что застолье, пройдя обязательную печальную тональность, медленно перешло в привычный, неторопливый бытовой регистр общения близких людей, не видевших какое-то время друг друга.

Джансух присоединился к компании, сев рядом со мной.

– Старик, как же я рад тебя видеть! Жаль, что повод печальный, но смерть, как и рождение, увы, незримо сопровождает всех нас постоянно! (Джон любил пофилософствовать.) Как там у вас в Москве? – Приобняв меня за плечо, начал разговор друг моего детства.

– Да в Москве всё по-старому! И в самом городе, и у меня в доме! Ты-то сам как? Знаю, работаешь в Очамчире, на чаеразвесочной фабрике, растишь двоих спиногрызов! Это здорово! Имею в виду твоих пацанов!

– Вова, отстал чуток от жизни, у меня теперь три, как ты выразился, спиногрыза. Я счастлив, ты же знаешь, мне очень повезло с женой. С радостью передам Амре привет от тебя! У меня там хороший дом, и я пытался забрать деда к себе, но бесполезно. Как рыба в воде он ощущал себя только в Адзюбже! Да и крепкий был, к тому же родня присматривала за ним. Я же приезжал регулярно на выходные.

Ладно, вижу некий немой вопрос в твоих глазах! Да и не только твоих! И догадываюсь – какой именно! Постараюсь удовлетворить твоё любопытство, но с условием, остальным ни слова. Договорились? Если только втихаря дяде Мише. Он человек надёжный!

Короче, слушай внимательно и не перебивай. Начинаю издали. Хочу разбудить и в твоей душе былую страсть, говоря торжественно! А предмет общей нашей страсти ведь был великолепен. Не знаю, как с тобой, но меня каждую ночь преследовали видения, я испытывал невероятное наслаждение от обладания им, мы вдвоём переживали фантастические

эмоции, сливались, становились одним целым и улетали в космос!!! Но каждое утро я пробуждался буквально в слезах, ибо ОН, увы, оставался там, во сне!

Ты же помнишь эту красоту?! Это совершенство?! Элегантная, удобная рама тёмно-синего или шоколадно-коричневого цвета с золотистой надписью «Орлёнок», сверкающий никель педалей, регулируемые по высоте руль и сиденье! И, о чудо, фонарик, работавший от миниатюрной динамо-машины! Ну вот, и в твоих глазах появилась ностальгическая грусть! Значит, и ты не забыл?!

Ну да, конечно же! Я ведь помню, как ты, мальчишкой, укатил отсюда, из Адзюбжи, в Сухум на велосипеде дяди Ясона – без спроса, никого не предупредив. Представляю себе, что пережил тогда бедный твой дядя!

Но моё увлечение имело под собой и вполне практическую базу, ибо добраться из дедушкиного дома до школы было мероприятием очень сложным, долгим, к тому же порой рискованным, особенно в дождь, когда грунтовая дорога превращалась в липкое глиняное месиво. На велосипеде же можно было, минуя грунтовку, перебраться через железнодорожные пути и тропинками выехать на шоссе, ну а там, по асфальту домчаться до школы за считанные минуты.

Попадая изредка в столицу, я обязательно шёл к магазину спорттоваров «Динамо» и подолгу, пуская слезу, любовался выставленным на витрине велосипедом. Ценников тогда не прикрепляли, но стоимость мечты мне была известна – 43 рубля! Да, для тех времён деньги немалые, но и одновременно не такие уж заоблачные. Но для меня да, заоблачные! Ибо зарплата у деда более чем скромная, да и сам старик был, светлой ему памяти, человеком прижимистым. И хоть обладал он, я это знал точно, некоей заначкой,

выпросить деньги на велосипед у моего деда?! Нет, Вова, у кого угодно, только не у него!

И вот как-то, побывав на очередных похоронах, зовёт дед меня, и неожиданно спрашивает, не слышал ли я случайно, где хорошо делают «увеличение», в Дранде или в самой столице?

– Тебе зачем, дедушка? Думаю, рано о своих проводах беспокоиться! А меня на кого оставишь? – Неожиданно плаксивым голосом произнёс я.

– Удзири, дад (слушай, малыш)! Никто пока никуда не собирается. Но о некоторых вещах нужно думать заранее, – мягко парировал Башныху. – Вот тебе два рубля, поезжай в город и всё разузнай.

– Деда, прибавь ещё один, в кино схожу. Там, я знаю, про Чапаева показывают!

Чапаев был для моего деда, пожалуй, одним из немногих исторических авторитетов, наряду с Хаджаратом Кяхба и Мелитоном Кантария, так что в данном случае я был уверен, что получу вожделенную трёшку. И я её получил!

Путь к кинотеатру «Сухуми» лежал мимо спортивного магазина, и, конечно же, я не устоял перед соблазном, как всегда, пообщаться, хоть и сквозь витринное стекло, с мечтой всей моей жизни.

И пока я мысленно гладил руль «Орлёнка», регулировал под себя удобное кожаное сиденье, в голове моей внезапно возник план, не план даже, а скорее, безумная идея, от которой меня сначала взяла оторопь, но которая распространилась внутри меня с ужасающей скоростью, не оставляя шансов на сопротивление. И я сдался!

Вернувшись домой, доложил деду, что нашёл через директора Дома пионеров лучшего в городе специалиста по «увеличению», встретился с ним, всё узнал, посмотрел образцы. Классно ра-

ботает, исполняет, хоть и берёт дорого. Нужна любая портретная фотография, независимо от размера и качества, всё остальное – мастерство фотохудожника!

Ещё я с благодарностью сообщил, что получил огромное удовольствие от фильма, а на сэкономленный рубль умудрился купить ещё и два лотерейных билета.

Докладывая, я растроганно попытался обнять деда, хотя тот всякие щечячи нежности терпеть не мог.

– Хорошо, дад, молодец! Так сколько конкретно просит мастер за свою работу?

Конечно, я не знал, как буду выкручиваться, куда приведёт меня «задумка», но коль скоро я пошёл на обман, на сделку с совестью, то и играть решил по-крупному. Теперь уже не могу сказать, почему я запросил именно столько.

– Шестьдесят рублей, деда! – названная мною цифра ввела старика в шок! Он побледнел и замахал руками, как бы отвергая, задним числом, саму идею создания портрета.

Однако, спустя некоторое время, пришёл в мою комнату, тяжело вздохнул и произнёс неожиданно сиплым голосом:

– Поедешь в следующее воскресенье, подготовлю фото и деньги.

Неужто сработало?! Нужно было ещё и прожить грядущую неделю! Знаешь, Вова, я ведь до сих пор помню, как медленно сочилось время, как я считал, нет, не дни и даже не часы, а минуты и секунды!

И вот наконец сию я в автобусе, направляющемся в столицу. По настоянию деда деньги – три десятки, четыре пятёрки, две трёшки и четыре замусоленных рублёвки, завёрнутые в кусок марли, убраны в потайной самодельный карманчик внутри брюк, под поясом.

Автобус бежит по шоссе довольно резко, мне же кажется, что он стоит на

месте, так не терпится осуществить первый этап задуманного.

Но вот наконец-то город! Иду в ближайший общественный туалет, извлекаю и перекладываю пятирублёвую купюру из марлевого пакетика в карман. У меня ведь праздник, который надо отметить, и я знаю как!

Когда-то наш класс возили в столичный музей. После экскурсии сопровождавшие учителя и члены родительского комитета угощали нас мороженым. Ничего вкуснее в своей жизни я не ел, тем более в компании игривых, весёлых медведей, нарисованных на стенах кафе. Туда-то, в то самое кафе напротив кинотеатра «АПСНЫ» и несли меня ноги.

И оторвался я по полной: марципаны с какао, слоёный хачапури, и, конечно, мороженое в серебряной вазочке, политое пахучим сиропом, посыпанное дроблёными орешками! Сейчас, Вова, и кафе того нет, и мороженого тоже! Увы!

Ну теперь подходим с тобой к главному событию дня, ибо подхожу я к «Динамо». Здесь можно смело доставать «зачачку». Прошу продавца распаковать синего «Орлёнка», вытираю заранее заготовленной тряпкой масляную смазку и... – внимание – фанфары! – оплачиваю покупку в кассе!!!

Продавец помогает мне установить цепь, проверяет давление в шинах, я регулирую руль и сиденье, велосипед при этом бликует, отражая солнечный свет, как бы подмигивая по-дружески мне, я усаживаюсь в седло и, чудо из чудес, легко и плавно трогаюсь по проезжей части. Ветерок треплет волосы, свистит в ушах, я не то что на седьмом – на семидесятом, а возможно, и на сто семидесятом небе от счастья!!! Ну, ты меня понимаешь.

Как мне «выкручиваться», я, откровенно, не знал. В голову никакие мысли не шли, только в памяти возник вдруг какой-то портрет, кого-то, кто напоми-

нал мне деда, очевидно, виденный ранее. Но где? Ну ладно, «пропадать, так с музыкой». Какое-то время я для себя выторгую, а там...

Деду я радостно сообщил, что поручение его выполнил: фото и деньги передал, портрет будет готов через два-три месяца. А ещё, захлёбываясь, от эмоций, поделился неожиданно свалившимся на меня счастьем!

– Ты представляешь, деда, один из моих лотерейных билетов выиграл велосипед!!! Велосипед, дедушка!!! А учитывая, что билет куплен на твои деньги, могу смело считать «Орлёнок» твоим подарком!!! – Возбуждённо тарыхтел я. Поверит или нет?!

Бажныху почесал затылок и неожиданно для меня удовлетворительно хмыкнул.

– Поздравляю! – С важным видом произнёс он. – Велосипед – что?! Вот мне наш председатель колхоза рассказывал, что один сухумский грек в лотерею целую машину выиграл! Машину! Так-то вот!

Ты не представляешь себе, как я упивался своим счастьем, до сентября оставался ещё почти месяц, «медовый» месяц, мой и «Орлёнка»! (Правда, тогда я ещё не знал, что означает эта фраза, но что красивое и радостное, так это факт.) Я объездил на нём всё село, все дороги, дорожки и тропинки и минимум два раза в неделю выбирался в столицу.

Во-первых, ездить по асфальту куда кайфовой, чем по грунтовке, а во-вторых, было приятно, когда тебе вслед с восхищением или с завистью смотрит большинство городских мальчишек.

Время же утекало, неумолимо приближая меня к финалу истории. Каким он будет, этот финал, я понятия не имел, даже думать боялся. Грустным, скорее всего. Но судьбе было угодно сжалиться надо мною.

Как-то возвращаясь из города домой, проехал по улице Церетели до проспекта Мира, пропустил встречную машину и медленно свернул в сторону Красного Моста. Но, не успев проехать и несколько метров, резко дал по тормозам! Почему?! Что заставило меня остановиться, что привлекло моё внимание?!

Медленно слез с велосипеда, в нерешительности подошёл к витрине магазина учебных пособий. Вова, ты же хорошо помнишь его, этот магазин? Мы иногда вместе бегали, чтобы заглянуть там в микроскоп или со страхом прикоснуться к скелету, висящему на стене. Скелет, как выяснилось, был пластмассовым, но мы были уверены, что он настоящий.

Так вот причина резкой моей остановки! С портрета в тёмной раме, выставленного в витрине, на меня пронзительным взглядом внимательно смотрел седой человек с большой бородой, похожей на бороду деда. Да и в целом издали он напоминал Башныху.

Закатив «Орлёнка» внутрь магазина, спросил у мужчины за прилавком, продаётся ли портрет с витрины?

– Ты имеешь в виду Чарлза Дарвина? Конечно, продаётся! Прекрасный портрет, всего один остался! – С интересом разглядывая велосипед, произнёс мужчина.

И сколько же он стоит? – С замиранием выдавил я из себя.

– Восемь рублей двенадцать копеек. – Последовал ответ.

Так вот оно, возможное спасение! У меня даже закружилась голова!

Дело в том, что из тех самых шести-десяти рублей я сохранил десятку, своего рода – неприкосновенный запас – и не притрагивался к нему, несмотря на регулярные соблазны. Она так и хранилась в бинте, под моим поясом.

– Дядя! – Начал фантазировать я. – Дело в том, что у меня задание пи-

онерской организации купить именно этот портрет для подарка на юбилей директору школы. Хочу попросить Вас! Я оплачу его сейчас, чтобы Вы не волновались, но заберу завтра, когда буду без велосипеда. Вы не могли бы сейчас снять портрет и надёжно упаковать его? Спасибо заранее Вам!

– Да без проблем! Я выпишу тебе чек, чтобы и ты не волновался! Ну вы, пионеры, молодцы, однако! Знатный подарок будет, даже завидую вашему директору!

Ночью я, конечно же, не сомкнул глаз. Ведь днём должен разыгаться последний акт задуманного мной спектакля! И лишь потом можно будет сказать, что же получилось – драма, трагедия или фарс!

Не буду утомлять подробностями, как я вёз на автобусе, а потом тащил пешком неудобный огромный пакет. Это – мелочи жизни!

Сознательно не оставил его на ярко освещённой солнцем веранде, а внёс в комнату деда, где всегда царил полумрак, и осторожно установил на комод. Вскоре явился Башныху.

– Ты чего улыбаешься? Отпустили с уроков? Вам, теперешней молодёжи, лишь бы ничего не делать! – С годами старик становился всё ворчливей. А ещё цифры, с которыми ежедневно имел дело учётик, вконец испортили его зрение. Стыдно сейчас говорить, но я надеялся, что подслеповатость деда станет моей союзницей.

– Да, деда, отпустили! Так я съездил в город и привёз твоё «увеличение»!

– Да?! – Башныху явно обрадовался. – Показывай!

В комнате мы аккуратно, как просил дед, развязали шпагат и развернули

упаковочную бумагу. И перед нами на портрете во всей красе предстал великий британский учёный девятнадцатого столетия – Чарльз Дарвин.

Тишина в комнате стала на время, как говорится, угрожающей! Сердце моё остановилось... Но тут я вдруг увидел, как мой бедный, обманутый мною, преданный за велосипед дедушка, одобрительно причмокивая, с восторгом гладит портрет!

– Да-а! Мастер великий! Не жалко этих денег! Помоги его снова упаковать! И иди отдыхай, заслужил сегодня!

Чуть позже, когда я возился на веранде с «Орлёнком», появился Башныху и, улыбаясь, протянул мне пятирублёвую купюру! ПЯТЁРКУ?! МНЕ?! МОЙ ДЕД?! Сказать кому-нибудь, не поверили бы!

И больше тот портрет я не видел. Только сегодня, когда женщины собирали вещи старика для дальней дороги, нашли в глубине шкафа пакет. Развернули, похвалили качество, пустили слезу... и поставили, как положено, на столик. И все проходящие молча склоняли голову перед усопшим и его изображением в раме. Все, кроме тебя и дяди Миши. Ну вот, старичок, признался тебе в давнем своём грехе, и, знаешь, стало легче. А Башныху, несмотря на суровость, очень меня любил! Он-то меня простит!

Уже совсем стемнело. Мы попрощались со всеми, Джансух обнял меня, зная, что завтра я улетаю, на похороны не попаду, и пожелал доброго пути.

В автомобиле неожиданно пришла мысль – как же умудрился я не узнать Дарвина, ведь его портреты были когда-то во многих школьных учебниках!